

Игорь Колосов

СТУПЕНИ РЕАЛЬНОСТИ

Игорь Колосов

Ступени реальности

"Мультимедийное издательство Стрельбицкого"

Колосов И.

Ступени реальности / И. Колосов — "Мультимедийное издательство Стрельбицкого",

Ее кома, где Жизнь и Смерть противостоят друг другу, как в виртуальной реальности, в виде конкретных личностей, порождает трагедию не только в ее семье, но и у виновника аварии. Спустя годы в поисках исчезнувшей дочери и ответов на загадочные надписи прошлого она погружается в искусственную кому, где после битвы за информацию подсознание выдает закодированные ответы в виде картин Третьяковской галереи, которую она посетила еще до аварии.

Содержание

1	5
2	15
3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Колосов Игорь

Ступени реальности

1

Мотоцикл несся по вечернему проспекту вдоль реки параллельно гидроциклу, рассекающему черные воды. В отличие от того, кто управлял гидроциклом, мотоциклист рисковал разбиться каждую секунду.

Он лавировал в потоке машин.

Выскакивал на тротуар, вынуждая редких прохожих шарахаться.

Проскальзывал между двумя идущими бок о бок машинами.

Подрезал.

Несколько раз помогал себе ударом ноги в чью-нибудь дверцу.

Красный свет он игнорировал, и преодоление перпендикулярного потока машин становилось самым опасным.

В первый раз мотоциклист на скорости приподнял переднее колесо, проехал на заднем метров двадцать, и, когда столкновение казалось неминуемым, мотоцикл сходу взобрался на капот темного автомобиля, перелетел на следующий, параллельно идущий, скользнул на третий капот и оставил убийственный механический поток позади.

Управляющему гидроциклом ничего не мешало. Он гнал по максимуму, но разбиться практически не рисковал. Черная река была пустынна. Обрамление берегов цепочкой уличных фонарей бросало на воду расплывчатые, вздрагивающие пятна света.

Мотоциклист наблюдал за гидроциклом и снизил скорость, когда ему показалось, что тот повернул к дальнему берегу. В следующее мгновение гидроцикл взревел, снова оказавшись посередине реки, мотоциклист понесся дальше.

Впереди его ожидал Т-образный перекресток со светофором, на этот раз ему повезло: зеленый свет. Мотоциклист обогнал гидроцикл, снизил напор, но тот, за кем он наблюдал, не нуждался в передышке – он гнал и гнал дальше, благо измученная древним городом река не сопротивлялась и была податлива. Гидроцикл вспарывал ее поверхность, посылая в обе стороны волны, будоражившие грязь и пену берегов.

Очередной светофор. Красный свет. Мотоциклист перевел внимание на поток машин. Плотный, проскочить будет нелегко. Обождать? Нет! Гидроцикл уйдет! Мотоцикл взревел. Не отступать! Единственный шанс не упустить гидроцикл в том, чтобы проскочить скопление машин!

Мотоциклист рывком поднял переднее колесо, но мотоцикл не подпрыгнул на нужную высоту, расчет оказался ошибочным: вместо капота мотоцикл несся на корпус машины. Удар – и мотоциклист вылетел из сидения, перекувыркнулся в воздухе и вонзился – плашмя – всем телом в стекло длинной боковой дверцы микроавтобуса во втором ряду. Стекло провалилось внутрь, мотоциклист исчез в салоне.

За мгновение до этого с него слетел шлем, вокруг головы взметнулись длинные светлые волосы. Мотоциклистом была молодая женщина.

Она боялась смотреть на десятилетнюю дочь, на капельницы, проводки, аппарат искусственного дыхания. Девочка лежала с закрытыми глазами, ни единого движения. Она напоминала умершую. Всего лишь напоминала – она была жива, но от наваждения смерти, прибившейся и застывшей в ожидании, было не так-то легко избавиться.

Женщина встала со стула, прошла по тесной палате. Хотелось пройти сквозь стены, будь это возможно. Хотелось удариться о стену головой, выть, кричать, расцарапать себе лицо. Она не сделала ни того, ни другого. Боли и так достаточно. И эта надежда – она все еще оставалась.

Шок после того, что сообщил муж, слабел, хотя уходить не собирался. Сначала ей показалось, что кто-то сделал ей подножку, мощную и болезненную, она как-то удержалась, не грохнулась. Затем ей сдавили горло – перехватило дыхание. Она захрипела, и муж подался к ней, похлопал по спине.

Нина в коме! Их девочка в коме, и сколько продлится это состояние – неизвестно.

К этому моменту слез уже не было, она все выплакала. Теперь ее трясло. Все из-за какого-то подонка! Которого тоже родила женщина, чья-то мать! Что если Нина не выйдет из комы? Бывали такие случаи или, рано или поздно, все заканчивалось благополучно? Она не знала и боялась спросить. Боялась. Страх не менее сильный, нежели от вида капельниц и застывшего лица дочери. Она понимала: ответ может лишить ее той самой надежды, которая еще оставалась.

Дверь открылась, вошел отец Нины. Она с ним не жила почти два года. Официального развода не было, просто не жила и все. Сейчас он не был для нее чужим, наоборот – он был частью чего-то прежнего, не то чтобы прочного, но хотя бы знакомого, не вызывающего эту боль и отчаяние. Именно муж сказал ей о коме, и что, по словам доктора, кома обычно длится неделю-две, максимум – три. При этом – вот уж успокоил – рекордный срок пребывания в коме: тридцать семь лет! Боже! Десятки лет! Откуда уверенность, что Нину минует подобное?

Даже не взглянув на него, она поняла, что он пришел ей что-то сказать. Еще какую-то чудовищную информацию от доктора? Он двигался так, как если бы шел по коридору, удивительным образом увертываясь от бывшей жены, от койки с дочерью, от капельниц, от стен. Внутри у него все горело, и женщина, казалось, чувствовала этот нестерпимый жар. Неудивительно, она сама горела внутри.

Он тянул с тем, что хотел сообщить, и она не вытерпела, заговорила сама:

– Роки так и не звонила?

Он не сразу понял вопрос, мотнул головой. Их старшая дочь, которую звали Роки – производная от Рокерши, – где-то пропадала уже неделю. Еще будучи несовершеннолетней, Роки эпизодически уходила с друзьями в «турпоходы», длившиеся столько, что родителям становилось все равно: не хватало нервов и терпения. Теперь Роки вообще не ставила их в известность, когда и на какой срок свалит из дома. Мобильник она отключала, все сообщения на ее номер доходили не раньше, чем она возвращалась-таки домой. Родители к тому же не жили вместе, а сражаться с ней по отдельности было нереально.

Так вышло, что очередное скитание совпало с трагедией ее младшей сестры, Роки о случившемся ничего не знала, а Нину она любила. Не то, что родителей.

Им не помешало бы ее присутствие. Им нужен кто-то еще, готовый разделить с ними боль, по-настоящему разделить, не просто выразить соболезнование. К сожалению, старшая дочь была так же далека, как если бы находилась в иной Вселенной.

Женщина смотрела на мужа, и он сказал:

– Когда она нужна, ее не бывает, ты же знаешь. Чертова стерва! Хотя бы иногда включала свой мобильник!

Женщина ничего не ответила, ей стало тоскливо. Одиночество, как будто она находилась одна в пустынной местности, вдруг навалилось неодолимым потоком. Казалось, их бросила даже дочь.

Он застыл, глядя на жену. Их взгляды встретились. В его глазах она увидела ярость, злобу, но осознала, что эти чувства относятся вовсе не к ней. Он отвел глаза, зашагал по тесной палате, едва не задев стул, капельницу, койку.

– Я убью его, – голос звучал глухо. – Перебью всю его семью, не только его.

Она повернулась к нему, как после внезапной пощечины. Он заметил ее реакцию.

– А что ты хотела? Он уничтожил нашу дочку! Посмотри на нее! Чудо будет, если она очнется. Твою мать, даже суда не будет! Он заплатил кому надо, и на этом для него все кончилось.

– Но... убивать семью? Что ты несешь?

– Мы с тобой еще не мучились – она пока жива. Настоящий кошмар начнется, когда она... умрет.

Женщина вскочила со стула, готовая броситься на мужа лишь за эти слова, но, обессиленная, застыла на месте, лицо ее исказилось.

– Нина не умрет. Неправда...

– Кому нужна твоя правда? Я не собираюсь сидеть и ждать, не пойми чего. Эта тварь где-то разгуливает, ест, пьет, спит. Его даже не посадят. Он наслаждается жизнью. Предварительно отняв ее у моего ребенка.

– Нина жива!

– Жива? Знаешь, сколько может быть последствий, если даже она придет в сознание? Потеря памяти, повреждение мозга, нарушение речи, твою мать, да просто будет слабоумной, будет лежать и смотреть в одну точку, и что ты с этим станешь делать? Что?

Она на мгновение растерялась, но не позволила взять над собой верх. Не сейчас. Не потому, что теперь они – не одна семья. Она не хотела потерять последнюю надежду.

– Я хочу верить, что все будет хорошо. Верить.

– Пусть так, дай-то Бог. Но... он должен получить по счетам. И он это получит!

Он больше не желал слушать ее возражения и повернулся к двери. Возможно, сам понимал, что говорил чудовищные вещи, и это, как нечто осязаемое, встало между ними.

– Постой! Успокойся и...

– Не могу! – он вышел.

Роки пришла в сознание: чья-то ладонь похлопывала ее по щекам. Смутный голос звал ее. Она открыла глаза, приподняла голову.

Мужчина с глазами навывкате пытался привести ее в чувство. Испуг исказил и без того некрасивое лицо. Поблизости один из водителей давил на клаксон. Кто-то кричал. Звучала сирена. Чья-то тень заслонила оконный проем микроавтобуса. Еще одна тень.

Она резко села, чувствуя, как мир вздрогнул, готовый развалиться на несколько крупных кусков. Этого не произошло: мир еще держался. Мужчина с глазами навывкате издал неопределенный звук. Она встала, отстраненно ощущая, как из волос, с одежды сыплются осколки стекла. Впечаталась она в микроавтобус здорово. И, кажется, потеряла сознание. Ненадолго, возможно, на считанные секунды, и шок еще не прошел, все представлялось, как в тумане. Она что-нибудь сломала?

Мужчина попытался взять ее за локоть.

– Что с вами? Где-нибудь болит?

Она отстранила его руку, шагнула к дверце.

– Куда же вы? Вам надо...

Больше она не услышала – выпрыгнула наружу. Вокруг скапливались зеваки. Образовалась пробка. Немало водителей покидало свои машины. Пошатываясь, она прошла шагов пять, в глаза бросился лежащий на дороге мотоцикл. Ее мотоцикл. Она пошла к нему. Двое

расступились, давая пройти. Она замерла, глядя на своего «железного коня». Мотоцикл свое отъездил, не понадобилось подходить вплотную и что-то выяснять.

Она оглянулась на лупоглазого спасителя. Он семенил за ней: рот открыт, в глазах – удивление испуганного, нашкодившего ребенка. Кажется, водитель чувствовал себя виноватым, как если бы это он сбил ее, хотя она всего лишь влетела в его микроавтобус, разбила окно и напугала хозяина. Это она должна была смотреть на него заискивающе и ждать вердикта.

Что ж... Сам напросился. Она не могла упустить гидроцикл! Кажется, водитель микроавтобуса с жабыми глазами решил, что с ней все в порядке, и он чем-то поможет странной рокерше. Отчасти он был прав. Она сблизилась с ним, на ходу достав нож – она взяла нож с собой впервые, как раз перед этой бешеной гонкой.

Лезвие оказалось у правого уха водителя.

– Вези меня. За тем водным мотоциклом! Быстро! – она толкнула его, он едва не упал, настолько неожиданным оказался поворот. – Вопрос жизни и смерти. Просто непусти его.

Гидроцикл, как ни странно, не исчез из вида. Кажется, его тоже что-то задержало. Он, конечно, удалился, но все выглядело поправимым.

Она приставила нож водителю к спине, и он поспешил к машине. Шок и неожиданность не позволили ему не подчиниться. Она втокнула его в микроавтобус, забралась следом.

– Быстрее!

Для убедительности она ткнула ему лезвием под лопатку. Заорала, что убьет его, исполсует, если он не нагонит призрачное пятно на реке – гидроцикл. Лупоглазому не понадобилось уточнять детали. Он вдавил акселератор, фантастически ловко обходя машины «пробки». Несколько раз он задевал автомобили, но столкновения его не остановили. Микроавтобус смял капот дорожной «Мазде», застывшие водитель и пассажиры молча проводили его взглядом.

Расстояние между микроавтобусом и гидроциклом сокращалось, медленно, но неумолимо. Ее шансы росли с каждой секундой. Водитель явно хотел оглянуться, но не рисковал. Она же не собиралась его успокаивать. Ничего не существовало, кроме цели.

Гидроцикл взял к берегу, увеличив скорость, под прямым углом. Она заметила это, непроизвольно порезав кожу водителя на шее – не рассчитала давление. Он глухо вскрикнул, но она не подумала убрать нож.

– Ищи мост! Гони, мать твою! Хватит сопли жевать! Мне надо на другой берег!

Водитель затих, выжимая из своей машины что-то сверх того, что уже выжал. Гидроцикл скрылся позади, моста все не было.

– Проклятье! Найди мне мост!

Можно подумать, это зависело от водителя. Но он старался, в первую очередь, ради себя. Наконец-то что-то появилось.

– Сюда! – она отвела нож, иначе поранила бы водителя. – Сворачивай!

Он свернул, срезал за счет дорожки для пассажиров. Перед микроавтобусом оказалась парочка. В обнимку, совсем «зеленые», они ничего вокруг не видели, кроме себя. Увернуться не было возможности, и она закрыла глаза, понимая, что даже гибель двух ни в чем неповинных людей ничего не изменит, и она не остановится.

В последний миг парень толкнул девушку, сам перевалился через перила моста. Роки выглянула сквозь разбитое окно. Находчивый влюбленный не полетел вниз, как она боялась, он схватился за перила, повис. Его дама вставала, чтобы кинуться на помощь. Роки отвернулась, облегченно вздохнув. Микроавтобус несся над рекой к противоположному берегу. Гидроцикл оставался вне поля зрения, но тот, кто им управлял, был неподалеку, можно сказать, совсем близко. Нужно лишь вовремя приехать, пока след теплый.

Микроавтобус свернул направо, оставив мост позади. Вскоре они увидели гидроцикл, пришвартованный к берегу. Она без слов указала водителю место, куда подъехать. Он подчинился, ощутив облегчение, что теперь гонка и ежесекундный риск разбиться остались в прошлом.

Она распахнула дверцу, выпрыгнула. Замерла, оглянулась на секунду, чувствуя, что водитель, как загипнотизированный, наблюдает за ней, не в силах решить, что же теперь делать.

– Спасибо, что подбросил... Сочтемся. Проваливай.

Что он и сделал.

Она побежала к гидроциклу, хотя не преодолела и десяти шагов. Перед глазами все поплыло, ноги подкосились. Она кое-как удержалась, согнувшись, сплевывая, ощутив дурноту. В голове помутнело. Ее вырвало. Внутри, казалось, застрял железный колышек – боль пронзила грудь и ушла не сразу. Ноги ее не держали ее, она завалилась на бок.

Смутно она видела, что неподалеку есть прохожие, на другой стороне дороги. Некоторые обратили на нее внимание, но ей было не до них. Она пыталась не потерять сознание. Только не это! Остаться на поверхности! Она потеряет того, за кем гналась, рискуя жизнью. Она столько дней его караулила, искала, пыталась вычислить. Отчаяние уже овладело ей, усталость постоянного ожидания скапливалась. Еще бы: ни поесть нормально, ни присесть, только курсируй вдоль реки весь вечер и большую часть ночи. Из-за призрачной надежды встретить этого подонка, о котором она и не знает ничего особенного. Но того, что он сделал, достаточно. Для смертного приговора!

Она его нашла, и теперь ей нельзя упустить этот вымученный шанс. Однако сознание уходило, ускользало. Бороться с этим было выше ее физических сил. Ее взгляд коснулся девушки, та стояла, глядя на нее, и говорила по мобильнику. Внимание девушки было приковано именно к ней. Роки встрепенулась и осталась на поверхности сознания. Помог страх. Кому звонит блондинка? Не на того ли она работает, кто недавно ехал по реке на гидроцикле? Кажется, у него были те, кто выполнял различные поручения. У него были деньги, и за этот хлам можно купить помощь, содействие многих.

И все-таки она не выдержала: «провалилась». Вряд ли этот провал в сознании продлился долго, но достаточно, чтобы кто-то вызвал «скорую», и машина прибыла.

Роки осознала себя лежащей на носилках, которые приподняли, чтобы вкатить в заднюю часть «скорой». Двое мужчин в белой одежде не смотрели ей в лицо, они сосредоточились на своих действиях. В салоне была женщина в белом. Свет лампочек резанул глаза, Роки зажмурилась. Затем она встала, отбив руку женщины. Мужчины, пораженные, уставились на нее. Она пригнулась, чтобы выпрыгнуть из машины.

– Куда? – один из мужчин пытался остановить ее.

Роки отбила его руку, он вскрикнул. Его напарник подался к ним.

– С ума сошла? Тебе нельзя вставать!

Он схватил ее за локоть. Она выхватила из-под куртки нож. Тот самый, который помог ей оказаться здесь после потери мотоцикла. Странно, как она не выронила его, потеряв сознание. Наверное, спрятала до того, как все поплыло перед глазами. Мужчина в белом убрал руку, попятился, его напарник застыл. Никто не собирался рисковать жизнью и здоровьем из-за какой-то придурковатой, которая размахивает ножом вместо того, чтобы позволить увезти себя в больницу. К черту таких!

Роки выбралась из машины. Пошатываясь, направилась прочь, не оглядываясь на бригаду «скорой помощи». Слабость в ногах, во всем теле вынудила ее двигаться осторожно, контролируя каждый шаг. Перед глазами потемнело, Роки присела, встала и, несмотря на смутные очертания предметов вокруг, пошла через дорогу. Она была уверена, что тот, кто управлял гидроциклом, пересек улицу именно в этом месте.

Ее внимание привлек мрачный многоквартирный дом на другой стороне улицы. Единственное здание квартала, где поблизости жили люди. Правда, уверенности, что она дойдет, не было.

Автомобильный гудок. Мощный, как удар.

Она вздрогнула: мимо пронеслась темная машина. Считанные сантиметры – она почувствовала спиной движение воздуха. Кажется, Роки выпала из реальности прямо посреди дороги, когда переходила ее в направлении этого мрачного дома, который вряд ли был жилым.

Машину занесло. Водитель не справился с ней, и машину вынесло на узкий тротуар. Глухой удар об ограду набережной. Звон стекла. Роки, ссутулившись, шла на другую сторону дороги, не оглядываясь, хотя по звукам могла определить, что происходит, как если бы остановилась и смотрела назад.

Водитель вскричал, послышался мат. Он выбрался из машины, не переставая поливать грязью шлюху, из-за которой угробил машину и едва не угробил свою жизнь. Он заорал, чтобы она остановилась, побежал за ней.

Она не ускорила шаг, не замедлила. Все происходило в какой-то параллельной вселенной.

– Смотри, не пукни, – она не могла говорить громче, чем вполголоса.

Он был уже близко. Злоба выплескивалась из него осязаемым потоком. Она обернулась, выхватив нож, когда их разделяло несколько шагов. Он едва не напоролся на нож, отпрянул, застыл. Вся спесь ушла, злоба осталась, но как-то сдулась, стала несерьезной. Он попятился, бормоча проклятия.

Она отвернулась, пошла дальше. Она не ожидала от себя такой реакции. Такого спокойствия в ситуации, когда ее могли не только избить, но и убить. Водитель снова выплеснул на нее ругань, но теперь он ее не преследовал.

Она обогнула дом, увидела подъезд, темный и беззвучный. Здесь никто не жил, она не ошиблась. Откуда же уверенность, что человек с гидроцикла пришел сюда? Она не могла объяснить, с чего это взяла, но иных вариантов в его голове просто не существовало. Нужно проверить весь дом, либо затаиться и ждать. Но ожидание – дело неблагодарное, хоть и менее опасное, чем поиски вслепую.

Роки решила использовать некую золотую середину. Она войдет в дом, выждет, прислушается к тишине, обойдет дом по периметру. Если человек мчался сюда, он наверняка спешит. И, возможно, скоро выйдет отсюда. К кому он сюда пришел, если никто здесь не живет?

Она медленно пошла по периметру, глядя на верхние этажи. С другой стороны дома он постояла с минуту, поглядывая в сторону, где находился гидроцикл.

Никакого движения, квартал вымер. Она вернулась на прежнюю позицию, к подъезду. Минуту – и она войдет в дом, раз по-другому нельзя. Тренькнул мобильник, она с удивлением осознала, что ей кто-то звонит. У нее есть мобильник? В этом не могло быть чего-то удивительного, но ей казалось, что она сейчас без связи. Потеряла телефон?

Она взглянула на экран: «Светка». Роки нахмурилась. Что за Светка? Она сняла трубку.

– Привет, подруга, – голос совершенно незнакомый.

Роки автоматически ответила на приветствие.

– Куда ты пропала? Завтра у Федора будешь? Лучше одевай что-нить облегающее. Аллочка сказала, нам всем лучше приодеться. Там будут все дружки Федора, не опаздывай. Как у тебя дела? Че молчишь?

– Светка, ты... Разве ты... – она запнулась. – Извини, подруга, я тут перепила, так что... Напомни, кто это звонит?

– Ну, ты вообще... – удивление монументальное. – Да я... Блин, это вообще...

– Прошу, не удивляйся. Просто расскажи мне, что знаешь. Давно мы знакомы?

Пауза. Светка в шоке. Затем успокоилась: приняла, что после перепоя еще не то бывает. И рассказала, что и как. Целый поток подробностей, каких-то нюансов, событий и ощущений – он едва не затопил сознание Роки.

– Постой, постой! Я поняла, Светка, поняла.

Бесполезно. Светку было не остановить. Кажется, она получала кайф от того, что ей пришлось сообщать подруге о ней же самой, заодно упоминая о себе и близких подругах, окружавших их обеих. От такого Светка не была готова избавиться так быстро.

Ее слова, каждая доза информации, какой бы глупой, ненужной она не казалась, все сильнее вгоняла Роки в ужас. Посторонний человек не мог выдумать все это. Все это было правдой. И все это было совершенно неизвестно Роки. В какой-то момент она подумала, что Светка звонит по чужому телефону – ее подруга потеряла его, а Роки нашла. Небольшая путаница, вот и все. Облегчение заполнило все внутри, чтобы через секунду-другую вытечь, как вода из сосуда с трещинами.

Роки не помнила о себе ничего! Будь у нее что-то взамен того, что говорила Светка, никакие слова не нагнали бы на нее такого страха. Словам, информации и напору Светки ничего не противостояло.

Роки хотелось кричать, ее затрясло.

– Извини, Светка, не могу говорить, – она положила трубку.

Пространство как будто сдавило ее, мир перед глазами закружился. Чтобы не упасть, она уперлась в стену дома обеими руками. Закрыла глаза.

Кажется, она снова выпала из реальности на минуту-две. Вокруг ничего не изменилось, но она это почувствовала. Возможно, поток машин по другую сторону реки, на проспекте, стал не таким назойливым. Хотя что может измениться в мегаполисе за считанные минуты?

Она вскинула голову, оглядела темные проемы окон, посмотрела на двери подъезда. Кого она ищет? По какой причине? Единственное, что она сейчас помнила: человек на гид-роцикле – убийца, она должна отомстить. За кого?

Ей стало страшно. Она ничего не помнила. Ничего! Последствия аварии на проспекте? Приложилась она прилично, и тошнило ее, и рвало. Сотрясение мозга и кратковременная амнезия?

Она прижалась к стене, полезла в контакты мобильного. Страх незнания опустошил ее, стало не до мести. Хоть что-то узнать о себе!

Имена ни о чем ей не говорили, как и фамилии. Обычные имена и фамилии. Известные! Ничто не затронуло ее, не всколыхнуло память. Она остановилась на контакте «Морячка». Помедлила, хотела набрать, но решила снова пройти по списку. Остановилась на «Соня». Эти контакты внушали необъяснимую надежду. Позвонить? Выбора не было – она должна узнать о себе хоть что-то, чтобы отогнать страх. То, что ей лепетала Светка, была шелухой, не дающей реального представления о человеке.

Она набрала Соню. Та долго не поднимала, голос показался сонным.

– Соня? Ты спишь?

– Кинчик смотрю. А ты что?

– Соня, выручай... Помоги мне...

– Что у тебя?

– Я ничего о себе не помню. Вообще ничего. Кажется, у меня амнезия. Я с мотоцикла упала.

Соня помолчала, обдумывая. Роки показалось, что связь прервалась.

– Ты здесь? Помоги мне. Расскажи про меня хоть что-то.

Подруга хмыкнула.

– Говорила я тебе: доедись. Говорила?

– Помоги мне...

– Че ты прицепилась? Я тебе «скорая помощь» что ли? Что я сделаю? Иди в больничку скатайся.

Соня положила трубку за секунду до того, как это собиралась сделать сама Роки. Ее грубо оттолкнули, так называемая подруга не сказала о ней ни слова. Однако порожденная этим злость, как ни странно, ослабила страх. Роки решила на следующий звонок.

Морячке.

– Привет, – голос Морячки переполняло удивление и, кажется, радость. – Ты куда попала, Роки?

– Слава Богу, может, хоть ты мне поможешь.

– Что случилось? Где ты была?

Роки рассказала. Не сразу призналась, что ничего не помнит, постаралась втянуть девушку в разговор, объяснила, что попала в аварию, ударилась головой. И что у нее провалы в памяти.

– Ничего себе, Роки! Ты что там в крови?

– Крови нет. Так, шишка небольшая. Расскажи обо мне хоть что-нибудь. Кто я и откуда?

Морячка рассказала. Скупые сведения. Они Роки ни о чем не сказали. Адрес звучал чуждо, она не помнила, где это и как выглядит дом, где она живет. Родных она тоже не вспомнила, память осталась чистым листом бумаги.

Была только одна зацепка.

– Знаешь кого-нибудь на гидроцикле? Кто он такой? Что он мне сделал?

Морячка помолчала.

– Первый раз слышу. Роки, ты... Где ты жила все это время?

– Жила? Сколько ты меня не видела?

– Месяцев пять. Мы думали, ты уехала куда-то... Слышишь? Ты здесь?

Роки отключила мобильник. Накатила дурнота. Она не только ничего не узнала, что помогло бы ей, она выяснила какие-то жуткие детали. Ее не было дома почти полгода? Где же она жила столько времени? Лучше бы она об этом не знала.

Она шагнула к подъезду, вошла внутрь. Лишь человек с гидроцикла поможет ей не лишиться связи с реальностью, поможет ей мобилизовать все свои силы. Она должна найти его. Он – цель, и он может что-то знать о ней. Перед тем, как она прикончит его, она узнает, почему должна это сделать, от него самого.

Небольшой вестибюль тонул во мраке. Тихо, полное беззвучие. Неужели тут кто-то есть? Под ногами зашуршала кирпичная крошка. Роки замерла, прислушалась. Что если Человек-гидроцикл выберется из этого дома через окно с другой стороны?

Роки попятилась, покинула дом. Поспешила к реке. Гидроцикл стоял на прежнем месте, рядом с ним – какой-то парень. Роки поняла, что это не тот, кого она преследовала. Он возился с мотором, который выглядел разобранным. Техническое обслуживание? В такое время? Свет фонарей позволял видеть все вокруг, но не для ремонта же такое освещение. Впрочем, хозяин, у которого есть деньги, может вызвать ремонтника когда угодно.

Роки остановилась у него за спиной, он обернулся.

– Чего надо?

– Скоро придет хозяин гидроцикла?

– А тебе чего?

– Поговорить. Я денег должна. Хотела лично передать, чтобы... завтра в офис к нему не ехать. Можешь его позвать? Где он сейчас?

Поверил? Непонятно. Он насупился, достал мобильник, отошел в сторону, заговорил. Роки незаметно приблизилась на пару шагов, но ничего не разобрала.

Он вернулся к гидроциклу, продолжил возню с мотором.

– Звонил ему?

– Сейчас будет. Жди.

Она хотела вызвать его на разговор в надежде хоть что-то выведать о Человеке-гидроцикле, но поняла, что бесполезно. Парень не разговорится, и не факт, что он знает что-то полезное. Лучше сосредоточиться на подступах к берегу. Тот, кого она преследовала с целью убить, вот-вот подойдет.

Кто-то возник на другой стороне дороги. Роки сжала лезвие ножа под курткой. Он? Вторая тень, третья. Дорогу пересекали четыре человека. Куда они идут?

Прежде чем она поняла, что они идут к ней, стало поздно: ее окружили.

Ее дочка плакала – это был ее голос.

Рита приподнялась в кровати, лишь после этого открыв глаза. Первоначальный испуг ослаб, хотя сердце встрепенулось и, казалось, не собиралось затихнуть. Плач был во сне и теперь перешел в реальность, разбудил ее.

Рита подалась к окну, едва не ударилась головой о стекло. К счастью, дочка была на виду. Судя по всему, она упала с велосипеда. Она поднималась, уже затихая. Кажется, ничего серьезного. К маме не побежала, и это кое-что. Наверное, наткнулась на велосипеде на камень или иное препятствие на лужайке позади дома и повалилась.

Хныканье прекратилось, когда шестилетка уселась на велосипед и закрутила педали. Рита внутренне поаплодировала себе. Она давно внушала ребенку, что за помощью к родителям надо обращаться лишь в крайнем случае, не бежать по разным пустякам. До недавнего времени Лина была чересчур плаксивой и чуть что – бежала к отцу. Тот не мог себя заставить делать то, что требовала Рита, хотя признавал правоту жены. Рита не собиралась оставлять дочь одну, но при каждом удобном случае пыталась устранить и предоставить Лине больше свободы.

Убедившись, что все в порядке, и девочка катается на заднем дворе, Рита отступила к кровати, завалилась на прежнее место. Пора закругляться с работой по ночам. Пусть шеф подавится, но ей лучше работать лишь в рабочее время. Все равно лучше для нее ничего не будет. Иначе нехватка сна сведет ее в могилу, она и опомниться не успеет. Какое счастье, что Лина подросла, и ее можно, пусть ненадолго, оставлять одну.

Заснуть сразу не получилось. Спать хотелось больше всего на свете, для этого осталось время, но какой-то ступор не пускал Риту в прежнее блаженное состояние. Мешало что-то из сна, который забылся, как только плач Лины разбудил ее.

Она повернулась на бок, глядя в окно, осознала, что пытается вспомнить увиденное во сне, зажмурилась, постаравшись ни о чем не думать. Не вышло. Лина плакала не только на заднем дворе, плач был где-то еще. Во сне? Вполне возможно. И это был плач Лины. Понятно, что его породил плач девочки во дворе, за секунды сон приснился Рите, и теперь она напрягалась вместо того, чтобы поспать лишних пятнадцать минут.

Что там было еще? Кроме плачущей Лины? Где она вообще находилась и что делала? Что вынудило девочку хныкать? Рита старалась, но тщетно. Почему она придала такое значение какому-то сну? Пустое беспокойство?

Похоже на то. Она учила Лину быть уверенной, не поддаваться ненужному страху, не пускать в себя беспокойство, которое постоянный гость в душах людей, сама же разволновалась из-за прерванного свидения, которое не запомнила. Не абсурд ли?

Она легла на спину, закрыла глаза. Расслабиться и подремать. Лина сама разбудит ее, когда ей надоест кататься на велосипеде. Здесь волноваться не за что.

Спать...

2

Эти четверо были опасны. И они шли именно к ней. С плохими намерениями.

Роки сделала шаг в сторону, и сразу один из четырех – третий, самый высокий, взял левее. Провести их не удастся. Мимо не проскочишь. Вступить в схватку с одним ножом – вряд ли эффективно. Все четверо – крупные, спортивные, никакой суеты, предупреждающих выкриков, словесных выпадов, лишь спокойные, уверенные действия. Не впервой им портить кому-то жизнь, сразу видно.

Она оглянулась. Парень возился с мотором, не обращая внимания на происходящее. Она поняла: четверо появились после его звонка. Может, не он их вызвал, но тот, кому он звонил, точно. Человек-гидроцикл.

Бросаться в воду – тот же эффект, что вступить в схватку с четверкой. Возможно, вода убьет быстрее: слишком холодно для купания. Реку ей живой не переплыть.

Что делать?

Она действовала, ничего не обдумав. Что-то будто вело ее. Она не просчитала, чем завершится тот или иной шаг. Возможно, у нее просто не было на это времени, и включились рефлексy. Она схватила за шиворот техника, потянула на себя, подставив подножку. Он упал на спину, вскрикнул от боли – под спиной оказался камень.

Роки запрыгнула на гидроцикл с кормы, даже не зная, что прыгнуть сбоку – риск перевернуться. Управляла ли она раньше такими машинами? Она не знала. Она схватилась за руль, сжала кнопку запуска. Она сама не знала, что делала, однако гидроцикл завелся, вздрогнул.

И рванул вперед, чуть не сбросив ее в воду. Кое-как она удержалась, отпустив рычаг газа. Гидроцикл остановился, снова прыгнул вперед, стоило ей сжать рычаг, рванул, отъезжая от берега, но она не справилась с ним, и аппарат повернул к берегу. Четверка амбалов, растерявшихся в первые секунды, бросилась к этому месту. Роки не далась им – в последний момент поддала газу, повернула от берега, но спустя пару секунд ее ждал очередной вираж. Машина напоминала мустанга, но для его объезда ситуация была неподходящей. Она старалась, но везение вот-вот могло закончиться. Она догадалась, что надо выбирать, как можно быстрее. Или она упадет в воду, или гидроцикл удариться о берег, и четверка схватит ее.

Она поддала газу на полную мощь. Подальше отсюда, но с прицелом на то, чтобы вернуться к берегу. Гидроцикл подлетел, опустился на воду, подлетел, рванул вперед, рыча, расплескивая воду во все стороны. Роки показалось, что она падает, она закричала, вцепившись в руль. Удержалась. По широкой дуге гидроцикл понесся к берегу.

Амбалы что-то кричали друг другу. Они бежали вдоль берега, один из них упал, подскочил, рванул за дружка. Роки видела их смутно, зато слышала и знала местоположение благодаря голосам. Здесь их профессионализм дал трещину – засуетились, как только оказалось, что они могут упустить жертву.

Гидроцикл понесся к берегу. Она заколебалась, не повернуть ли в сторону, однако почувствовала, что свалится в воду, оттягивать же возвращение на берег опасно: она заработала маленькую фору, ждать лучшего глупо.

Гидроцикл налетел на берег, она закрыла глаза, вся сжалась. От удара ее выбросило на плиты, она ударилась плечом, вскрикнула, застонала. Но поднялась она быстро, рванула к дороге, благо рядом оказались ступеньки, чтобы подняться от реки. Дорога была относительно пустынная: редкие машины. Амбалы ее нагоняли. Она чувствовала это по звукам их шагов – шарканье ног все ближе, ближе. Она начала задыхаться. Сколько она так выдержит? Что они с ней сделают, если поймают, лучше не думать.

Дыхание прерывалось все сильнее. Она не сможет бежать на одной силе воли. Кто-то должен ей помочь, но вокруг никого не было. Если не считать водителей проезжающих мимо машин. Очень редких, но все же проезжающих.

Она выскочила на дорогу, замахала темной легковушке, закричала, умоляя помочь. Водитель снизил скорость, объехал бегущую на него девушку. Не без проблем, но остановиться он не подумал. Первый амбал был уже близко. Роки выскочила на проезжую часть, побежала посередине. Теперь объехать ее будет не просто. Как быть, если водитель не станет ее объезжать, даже не попытается, она не подумала.

Где же машины? Закон подлости в действии?

Дыхание первого амбала показалось таким близким...

Наконец-то! На нее мчался грузовик. Бортовой грузовик «MAN». Значения это не имело, хотя она предпочла бы что-то более скоростное, но и этого достаточно. Амбалы отбежали от своей техники далеко, им еще возвращаться – они останутся не у дел. Роки замахала руками, развела их в стороны.

Водитель видел ее, но останавливаться не собирался. Он пер вперед, уверенный, что она сейчас отскочит в сторону. Она не отскочила, как если бы была уверена, что первыми нервы сдадут у него. В последние мгновения, когда казалось, что грузовик сметет девушку, водитель крутанул руль, и грузовик, встряхнувшись, как после продолжительной дремы, повернул в сторону реки. Скрежет машины заставил ее поморщиться. Ей показалось, что грузовик слетит в реку, но тормоза оказались в порядке, как и реакция водителя, передним бампером снесло лишь два пролета забора. Грузовик остановился, двигатель не заглох.

Роки остановилась, готовая податься к кабине, но первый амбал, такой близкий, бежал на нее. Он взмахнул рукой, она поднырнула под нее, он по инерции повалился вперед. Второй был уже близко, но путь к грузовику не перекрыл. Он и не думал, что Роки рванет туда. Она побежала к машине, как если бы только что не было никакой пробежки. Второй бросился следом. Машина была близко, но Второй нагонял, неподалеку был и Третий. Она оглянулась, начиная задыхаться. И поняла, что не добежит до грузовика первой.

Пришлось рискнуть. Когда Второй протянул руку к ее плечу, она присела у него на пути. Он споткнулся об нее, перелетел, упал. Ее снесло его массой, но она была к этому готова, вскочила быстрее Второго, подбежала к грузовику.

Вовремя. Она прыгнула на высокую ступеньку кабины, когда машина, вздрогнув, дала задний ход, отъезжая от проломленного пролета. Второй с криком откатился в сторону, левым передним колесом едва не раздавило его ногу. Третий попятился, выхватил пистолет. Первый уже бежал к ним. Роки распахнула дверцу, ввалилась в кабину.

Водитель – проплешина на голове, с двойным подбородком – глянул на нее, открыв рот. Он не успел ничего сказать, но его глаза говорили лучше любых слов: какого черта? Выметайся!

Роки заорала:

– Уезжай! Быстро! Они убьют тебя!

Подействовало. Водитель вдавил акселератор, грузовик выскочил задним ходом на середину дороги. Первый амбал выхватил пистолет, опустился на одно колено, вытянул обе руки с пистолетом, прицелился.

Роки заметила это, пригнулась.

– Быстрее!

Грузовик рванул вперед в момент выстрела. Роки обдало осколками стекла от разбитого окошка дверцы с ее стороны. Водитель пригнулся чуть ли не к коленям, но руль не бросил, ногу с газа не убрал.

Четвертый амбал, отставший от дружков, оказался на пути грузовика. В руках в него тоже был пистолет. Он отступил в сторону, стреляя на ходу. Лобовое стекло разлетелось

после первых двух пуль. Вскрикнул водитель. Ранило? Осколком обожгло затылок Роки, но она не издала ни звука. Грузовик набирал скорость, последующие выстрелы уже не причиняли беглецам вреда.

Роки выпрямилась. Водитель стонал, скривившись, хотя по-прежнему гнал вперед, не убирая ногу с газа. Роки подалась к нему.

– Что с тобой?

Он застонал громче, ничего не сказав. Глаза выпучены, рот открыт.

– Ранило? Где?

Он не ответил, страх гнал его прочь. Она сама попыталась рассмотреть его и заметила на плече кровь, которая пропитала тонкую замызганную куртку пятном величиной с ладонь. Если бы не полумрак, Роки заметила бы это сразу. Скорее всего, пуля зацепила его рикошетом.

Она глянула в боковое зеркальце. Амбалы остались позади, уменьшаясь в размерах с каждой секундой. Полминуты, и они пропали из вида.

– Притормози, – сказала Роки. – Тебе надо перевязать плечо. Кровью истечешь.

Водитель замычал, мотая головой.

– Они еще близко.

– Ладно... Отгони еще немного.

Она выждала несколько минут, потребовала остановки. Нехотя водитель подчинился – рана доставляла ему боль. Грузовик остановился. Роки нашла какую-то тряпку, далекую от чистого материала, но больше ничего не было, разорвала на полосы.

– Снимай куртку.

Он застонал громче, стягивая одежду. Едва уловимый звук вынудил Роки замереть и прислушаться. Их взгляды встретились, она подалась к окошку дверцы, выглянула.

По дороге в их сторону мчались мотоциклы. Четыре мотоцикла. Расстояние быстро сокращалось. Она не рассмотрела ездовых, но этого не понадобилось: она знала, что это четверо амбалов. Погоня!

– Быстрее! – крикнула она. – Гони!

Его рану она так и не перевязала.

Она не слышала, как дверь отворилась, и девушка в кожаной одежде, в темных очках вошла в палату. Девушка глянула на мать, задремавшую в кресле – сидит с ровной спиной, голова не опущена, лишь глаза закрыты, – перевела внимание на Нину, скрытую под простынею. Помедлив, раздумывая, остаться или уйти, она шагнула к койке, нащупала рукой место, присела на краешек.

Минут пять ничего не происходило. Девушка даже на Нину не смотрела, взгляд направлен куда-то в пол, точнее – куда-то вовне. Погруженная во что-то исключительно свое, девушка подняла голову, осмотревшись. В глазах мелькнуло недоумение: что она здесь делает?

Ее мать открыла глаза, подалась вперед, глядя на младшую дочь, застыла, не понимая, померещилось ей что-то или нет. Она не сразу заметила присутствие девушки в коже. Когда же увидела ее, вздрогнула, встала, но тут же села, скорее даже упала в кресло.

– Роки? Когда ты пришла?

Роки помедлила, сомневаясь, нужно ли вообще отвечать.

– Только что.

– Ты меня напугала.

– Что мне теперь делать?

– Ничего, это я так... Как ты узнала? Про Нину?

Роки пожала плечами.

– Папаша сказал, кто ж еще.

Молчание. Мать явно готовилась к наступлению. Проблема была лишь в том, что на это у нее не было сил. Она измочалена, куда уж тут до стычек.

– Нина в коме больше недели, Роки. Больше недели.

Та кивнула, не глядя на мать. Роки смотрела на младшую сестру. Опустошенность и странная внутренняя углубленность в саму себя уступала место боли за сестру. Что-то менялось в лице Роки, она уже не выглядела надменной и равнодушной, желчной и слишком самоуверенной. Мать не замечала этого, как не понимала того, что претензии сейчас ничего не изменят. Обида руководила разумом и эмоциями – новый начальник, с амбициями, но который еще ни черта не разобрался, что по чем.

– Где ты была, Роки? Мы звонили тебе, звонили много раз.

Роки пожала плечами.

– Я предупреждала, рано не ждите.

Мать вздохнула, хотела еще что-то сказать, внезапно разрыдалась. Роки покосилась на нее, сделала движение к ней с намерением успокоить, но передумала.

Вновь она смотрела на сестру. Бессилие постепенно искажало ее лицо. Если был в этой части мира тот, кто ей дорог, это – Нина. Иногда Роки казалось, что не будь у нее младшей сестры, она бы однажды уехала из дома и не вернулась. Не звонила бы, не писала бы записок, исчезла бы в Неизвестности, и будь что будет. Родители? Они заняты собой, вряд ли исчезновение их старшей дочери как-то изменило бы их образ жизни. В какой-то степени – хотя они не признались бы об этом даже самим себе – ее исчезновение и последующее продолжительное отсутствие позволило бы им меньше нервничать, больше заниматься собой. Она не просто была им не нужна, она мешала им, как дорогостоящая собака, которую жаль выбросить на улицу, а пристроить в другую семью нереально. Впрочем, Роки допускала, что слишком жестко судит о родителях. Быть может, все это – ее фантазии, и на самом деле все не так плохо, они ее любят, многое готовы отдать. И жизнь без нее у них была бы уже не жизнь.

Мать успокоилась, вытерла лицо, высморкалась в платок.

– Роки?

– Что?

Молчание, сопение. Мать снова высморкалась, посмотрела на Нину.

– Что нам делать?

Роки покачала головой.

– Не знаю...

– Надо что-то делать.

– Может, и надо. Только я не знаю, что именно. Папашка вон знает, к примеру. Только мне с ним не по пути.

Она медленно повернула голову, застыла.

– Что ты сказала? Что он тебе говорил?

Она поморщилась.

– Всякое болтал. В основном мне претензии предъявлял. Завалился, как только я пришла, как будто следил за хатой. И давай ныть. Такая-сякая, сбежала из дворца. Такая-сякая, расстроила отца.

– Роки! Не паясничай!

– Я не паясничаю. Тьфу ты... Ну, и словечки ты знаешь.

– Что он тебе говорил? О том, что собирается делать?

– Точно хочешь это знать?

Мать встала, шагнула к дочери, схватила ее за грудки.

– Что он сказал?

Роки смотрела ей в глаза, не мигая.

– Руки убери.

Мать помедлила, убрала руки, но их лица по-прежнему оставались вблизи, как если бы они собирались поцеловаться.

– Скажи, пожалуйста, что он тебе сказал? Что собирался сделать?

– Прикончить того ублюдка, который сбил Нину.

Мать отпрянула, сделала короткий круг по палате, еще один, посмотрела на Роки в упор.

– Он просто болтает, ты же знаешь.

– Ты же знаешь, – она как будто передразнила мать. – Если ему что-то втемяшится в башку, это оттуда не вытравить.

Мать вздрогнула.

– Господи... Только не это...

Она рванула к двери, остановилась, повернулась к Роки. Засуетилась, переминаясь с ноги на ногу, делая массу ненужных, неопределенных жестов.

– Хочешь сказать, он пойдет к тем людям... – она не договорила.

– Почему мне знать? У него же пушки нет, а голыми руками... Что он сделает?

Мать застонала, схватила сумочку, выскочила в коридор, заглянула обратно.

– Смотри за ней, пока я не вернусь. Нина на тебе. Слышишь?

Роки захотелось послать ее, грубо и подальше, она не сделала этого потому, что так лишь продлит присутствие матери, которая так просто не оставит подобные слова. Пусть лучше проваливает. Роки просто кивнула, не глядя на мать. Та исчезла.

Роки покачала головой, вгляделась в лицо младшей сестры.

– Ну, что, малышка? Что с тобой делать? Скажи, что?

Роки выдержала паузу, покосилась на дверь и неожиданно для самой себя разрыдалась.

Роки не понимала, как такое возможно. То, что их преследовали, ее не удивило. У амбалов были мотоциклы, и они оказались проворными, чтобы броситься в погоню, настичь и атаковать беглецов. Станным было другое.

Только что дело приближалось к полуночи, людей на тротуарах почти не было, поток машин на проспекте за рекой слабел, но вот небо уже посветлело, и ощущение начала дня нельзя спутать ни с чем.

Где они потеряли столько времени?

Если предположить, что Роки снова выпала из реальности, это не объясняет такой провал во времени. Водитель не спал всю ночь? Она не могла задать ему не единого вопроса – преследователи вцепились в них клещами и передышки не предвиделось. Если их достанут, вопрос, что случилось со временем, не будет иметь смысла.

И все же ее это терзало, нагоняя страх. Она была бы рада ошибиться, но помнила происходящее отчетливо: не могло быть ни ошибки, ни чьей-то невообразимой шутки. Но что-то решить можно, лишь избавившись от преследователей. Четверка же действовало четко и слаженно. Ни суеты, ни лишней пальбы, никакого вреда посторонним, лишь методическое давление и импровизация.

Выдвинулись вперед и поравнялись с грузовиком двое – Второй и Третий амбалы. После одного знака-просьбы остановиться Третий выстрелил по кабине. Водитель пригнулся, грузовик вильнул, у Роки вырвался приглушенный возглас. Выстрелил Второй. Они давали понять, что полностью контролируют беглецов, и нет смысла сопротивляться.

Водитель дороги уже не видел. Роки опустила на пол кабины и помогала удерживать руль. Следующий выстрел рикошетом зацепил водителя. Ничего серьезного, но появилась

новая рана, и водитель закричал, крутанул руль, в одну сторону, в другую. Это вынудило преследователей отступить. Водитель стал видеть дорогу, приподнялся, пытаясь совладать с машиной.

Возникла пауза. Роки слышала рев приблизившихся мотоциклов, но амбалы-байкеры почему-то не стреляли. Патроны кончились? Выжидали, осознав, что пальба ничего не даст? Роки не выдержала, приподнялась с намерением выглянуть.

– Осторожно, – сказал водитель.

Он выпрямился, чтобы видеть дорогу и нормально вести грузовик. Роки чувствовала, что их положение ухудшается, а ей еще надо вернуться, чтобы найти Человека-гидроцикла. Его нужно убить, но его амбалы отодвинули решение этого вопроса на неопределенный срок.

С грузовиком поравнялся Третий, со стороны Роки. Их взгляды встретились, он выхватил револьвер. Роки пригнулась. Пуля угодила в стойку дверцы. Следующая пуля вынесла последний уцелевший осколок лобового стекла. Водитель крутанул руль, грузовик едва не сбросил Третьего с дороги. Тот успел вильнуть правее, избежав столкновения. Однако водителю пришлось постараться, чтобы не выехать на тротуар и не врезаться в дерево.

Роки выглянула, в глаза бросился не Третий и его дружки, а прохожие. Вот семейная пара – что-то обсуждают. Мужчина с девочкой – неясно, отец он или дядя, а она как-то напряжена, как будто задумалась о чем-то жизненно важном. И кажется Роки смутно знакомой. Два мальчугана-подростка. Компания школьников: три парня и две девушки – хохочут, выпендриваются друг перед другом. Еще одна семейная пара, с детьми – мальчик и девочка детсадовского возраста. Все они, хоть и промелькнули на секунду-другую, запечатлелись отчетливо, в деталях. Можно было поразиться этому, хотя на подобную реакцию у Роки не осталось времени.

Перед грузовиком появились Первый и Четвертый – выскочили одновременно. Водитель растерялся, не зная, кого выдавить с дороги, и они проскочили оба. Будто конвой или полицейский эскорт, расчищающий путь впереди, они неслись чуть по краям, опережая грузовик, не позволяя водителю до них добраться.

Один из них – Первый – выхватил пистолет, Четвертый последовал его примеру. Водитель резко сбросил скорость, Роки ударилась головой о приборную панель. Справа возник поворот. Улица ничем не отличалась от той, по которой они мчались, водитель крутанул руль, сворачивая. Первый и Четвертый выстрелили. Неточно. Водитель засмеялся. Нервный, истеричный смех.

Роки, потирая голову, даже не улыбнулась. Она выглянула в окошко, в глаза бросился мотоцикл, скользящий по асфальту в лежащем положении, без седока, с покореженным рулем. Роки вытянула шею, привстала, но тела не обнаружила.

– Мы их сделали! – крикнул водитель.

Роки оглянулась на него и поняла, что он ошибся. Она заметила сквозь заднее стекло кабины, как Первый и Четвертый быстро разворачиваются, чтобы продолжить преследование.

– Рано радуешься, – сказала она.

Роки посмотрела, нет ли кого по сторонам, краем глаза уловила движение. Она подумала, что это кто-то летит на мотоцикле по крышам домов в стиле Бонда, но это был человек в кузове грузовика. Третий амбал. Чей мотоцикл уже слетел на обочину.

Она вжалась в спинку сиденья, ей все стало ясно. Рокеры вынудили грузовик сбавить темп, чтобы на него смог взобраться кто-то из своих. Водитель облегчил им задачу, решив свернуть – в этот момент при невысокой скорости Третий взобрался. Мотоциклом он пожертвовал.

Теперь у Роки никаких шансов. Она без оружия, а этот тип вооружен. Он сейчас подойдет к заднему окошку кабины, разобьет стекло, спокойно прикончит их. Амбалы своего добились.

Водитель догадался, что происходит, по лицу Роки. К счастью, он не впал в панику и разобравшись в ситуации моментально, понял, что он может сделать.

Третий прошел половину кузова. Грузовик взревел, вильнул в сторону. Амбал повалился. Пистолет был направлен в кабину, но стрелять упавший не решился. Он привстал, поднялся на ноги. Грузовик опять вильнул в сторону, амбал распластался на полу кузова. Он еще несколько раз пытался встать, и неизменно водитель угощал его вздрогнувшим корпусом при резком повороте.

– Суки! – Третий оскалился, пальнул разок-другой по кабине.

Он выглядел беспомощным, хотя и начал приноравливаться к стилю вождения. Догадался, что может ползти. Он пополз к кабине, медленно, замирая, когда водитель совершал рывок. Он подползал все ближе. Водитель выдыхался.

Роки почувствовала отчаяние. Третий подполз совсем близко. Еще немного, и он встанет, чтобы довершить начатое. Роки глянула на противника: будь у нее возможность как-то преодолеть это расстояние, пока Третий лежит на полу кузова, появился бы шанс. Но она свалилась бы, как и враг. Встала бы она, поднялся бы и Третий, с пистолетом в руке.

Ее вдруг осенило. Она хлопнула водителя по плечу.

– Я залезу туда, в кузов.

– С ума сошла?

– По моему знаку тряхни машину. Он свалится, я до него доберусь.

– Да ты...

Она его уже не слушала – открыла дверцу, встала на ступеньку. С опозданием осознала, что по ней будут стрелять, но было поздно что-то менять. Третий уже поднялся, чтобы добраться до кабины.

– Давай!

Водитель крутанул руль. Грузовик, казалось, слетит с дороги, и Третий повалился.

Роки ждала этого, вцепившись в поручни. Ее встряхнуло так, что кисти рук едва не вывернулись из суставов, но каким-то образом она не только не разжала пальцы и удержалась, она использовала первые несколько секунд после того, как водитель вернул грузовик на дорогу и выровнял его.

Третий поднимался, когда Роки перемахнула через борт. Он стоял на одном колене, вполоборота, почти спиной к ней. Он заметил ее краем глаза. Она занесла нож, он видел это и поспешил выстрелить. Грохот слился с его собственным криком: от стойки кабины и пола кузова пуля срикошетила ему в бедро. Он выронил пистолет. Роки застыла с ножом в руке: исчезла уверенность, что она нанесет удар.

Кто-то из рокеров выстрелил. Она невольно пригнулась, ее повело на Третьего, зажавшего рану обеими руками, она толкнула его, и он, размахивая руками, отступил. Не удержавшись, вывалился за борт.

Его тело попало под колеса мотоцикла, на котором мчался Второй. Мотоцикл подпрыгнул, Второй слетел с него. Он схватился за плечо, дергая ногами – живой, но выбывший из строя. Сзади ехал Четвертый, он оглянулся на Второго, но не остановился, сосредоточившись на беглецах.

Водитель увеличил скорость. Роки попыталась вернуться в кабину, но по ней открыл стрельбу Первый. Роки ничего не оставалось, как пригнуться, прячась за бортом, рассчитывая, что водитель сориентируется без ее помощи. Грузовик трясло, он несколько раз свора-

чивал, но рокеры не стреляли, хотя рев мотоциклов не ослабевал – преследование не прекращалось.

Пауза затягивалась, и Роки показалось, что она задыхается. Болезненно вздрогнуло сердце. Роки рискнула выглянуть. Первый сразу выстрелил. Роки повалилась на пол кузова. И лишь теперь заметила в углу пистолет, который выронил Третий. Она выругалась, ползком добираясь до пистолета. Она могла сделать это уже давно, но из-за напряжения и тряски допустила оплошность, которая могла стать роковой. Теперь она вооружена. Отстреливаться или выжидать? Вряд ли она подстрелит мчащегося на скорости рокера, а лишних патронов у нее нет. Выждать!

Ждать пришлось недолго. Первый поравнялся с кабиной грузовика, выдержал паузу, плавно обогнал грузовик, прицелился, выстрелил. Скорость грузовика спала – водитель, подстреленный, завалился на руль, сполз на пассажирское сидение.

Роки перекатилась к кабине, привстала. Гудели клаксоны идущих сзади машин. Грузовик оказался на широком проспекте, где машины мчались в несколько рядов. Справа приближалось длинное и мощное здание красного цвета – торговый центр. Рокеры следовали параллельно грузовику, дожидаясь его остановки.

Водитель с криком боли приподнялся, вдавил акселератор. Грузовик вздрогнул, рванул вперед. Однако выровнять руль сил не осталось. Грузовик понесло вправо, к гипермаркету. Он съехал с дороги, проскользнул мимо автобусной остановки, встряхнулся на тротуаре, снес пролет ограждения, выскочил на автостоянку перед гипермаркетом.

Роки приподнималась, держась за кабину, когда последовал первый удар – о ближайшую машину. Роки повалилась на пол кузова. Второй удар. Третий. Четвертый. Водитель давил на акселератор, разбивая грузовиком легковушки одну за другой. Закричали люди, разбегаясь, когда грузовик, повредив десяток автомобилей, выскочил к центральному входу в здание. Роки, перекаtywаясь от тряски, оказалась на спине и, прежде чем грузовик вонзился на скорости в стекло и металлические стойки центрального входа, заметила гигантские буквы «О'КЕЙ», правее – надпись «Золотой ВАВИЛОН». Последовавший в следующее мгновение грохот вынудил ее зажмуриться.

Посыпались осколки стекла, крупные и мелкие. Сначала дождем, затем крупными кусками. Один из них вонзился в пол кузова между раздвинутых ног Роки, но она этого не заметила. Грузовик пробил следующую стеклянную стену и выскочил в широкий холл. Несмотря на падающую скорость, грузовик пронесся вглубь мимо эскалатора, сбил дерево в кадке, фонарный столб, уткнулся в бортик бассейна.

Водителя ударило о руль, он вскрикнул. Роки, закрывая голову руками, поднялась, огляделась. Люди разбегались, паника не ослабевала. Через разгромленный центральный вход пытался проехать Первый. За ним подъезжал Четвертый. Преследователей ничуть не смущало, что сейчас здесь будет полиция, не считая уже сбегавшихся охранников гипермаркета. Роки нагнулась к проему заднего окошка. Она понимала, что надо бежать, но бросить раненого человека, который влип в это из-за нее, не хватило духу.

Он оглянулся на нее, пальцы цеплялись за рулевую колонку, изо рта вылетали кровавые брызги.

– Роки, вернись сюда обратно, прошу... – он говорил с невероятным усилием, слова приносили ему боль, но звучали внятно и четко.

То, что он знал ее имя, было наименьшей странностью в происходящем.

– О чем ты?

– Вернись... Убей Гидроцикла. Это твоя цель – только благодаря ей можно... – он закашлялся.

– Откуда ты знаешь про Гидроцикла?

– Надо довести это до конца, вернись... Несмотря ни на что... Просто не умирай...

У нее была масса вопросов, но выстрелы отвлекли ее. Первая пуля просвистела возле самой головы, всколыхнув волосы. Вторая зацепила плечо. Роки вскрикнула, опустилась на колени. Пистолет лежал в шаге от нее, и она подхватила оружие.

Роки встала, вскинув перед собой руки с пистолетом. Боль захватывала левую сторону, но адреналин еще был высок. Первый прорвался сквозь осколки и обломки внутрь гипермаркета и приближался к грузовику. Четвертый упал с поврежденного мотоцикла, подскокил и побежал, вытаскивая пистолет.

Роки пальнула в Первого одновременно с его выстрелами. Ее ранило в левую руку, чуть выше локтя. Первому пуля угодила ему в грудь, и он повалился с мотоцикла. Роки согнулась, удерживая равновесие. Четвертый выстрелил в нее, промахнулся. Она прицелилась в него, держа пистолет одной рукой – левая, парализованная, отказала. Она нажала на курок, промахнулась, но Четвертый превратился в дергающую тряпичную куклу: в его тело вонзилось сразу несколько пуль. Он завалился на пол. Первый, не поднимаясь с пола, прицелился в двух мужчин в полицейской форме, но они не дали ему шанса – открыли огонь на поражение.

Раздался крик:

– Брось оружие, подними руки! Тебе не уйти! Брось оружие!

Рокеров уже не было, но Роки знала, что прорваться сквозь кольцо полицейских, чье количество росло, нереально. Краем глаза она видела, как снаружи скапливаются вооруженные люди. Она повернулась к кабине. Водитель не двигался, навалившись на руль. Мертв.

– Откуда ты знал Гидроцикла?

Водитель не ответил. Он и так сделал много.

Роки подалась к борту, рассчитывая спрыгнуть, попытаться уйти, пока ее не задержат. К сожалению, добраться до Гидроцикла она не сможет, в ближайшее время точно. Она перекинула ногу через борт, с опозданием поняла, что держит в руке ненужный сейчас пистолет. Ей надо было бросить оружие, тогда у нее появился бы шанс.

Роки приподняла пистолет, показывая, что не собирается им воспользоваться, и тут же раздался оружейный грохот с разных сторон.

Тишина. То, что нужно для сна, но иногда, в редких ситуациях именно тишина – тревожный признак. На войне, например. Подобно лакмусовой бумажке тишина обнажает какое-то несоответствие, проблему, еще не готовую явить себя в открытую.

Рита открыла глаза, заморгала, осмотрелась. Она у себя в спальне. Задремала, не в силах выдержать. Лина осталась во дворе. Если она еще не хочет слезть с велосипеда, лучше ее не трогать. Конечно, можно стащить ее силой, тогда кусок испорченных нервов обеспечен. Своих и ребенка.

Рита улыбнулась. Глубокое – где-то в подсознании – беспокойство ослабло, так и не проявившись по-настоящему. Что может случиться? Лина десятки раз оставалась одна во дворе. Калитку она не откроет, через забор на заднем дворе ей не перелезть, да и велосипед отвлечет ее надолго. Рядом прекрасные соседи, тихий пригород, все знакомы друг с другом не хуже, чем в деревне.

Все-таки, почему так тихо? Накаталась и сидит где-нибудь, рисует? Присела в гостиной, чтобы задремать, как ее вечно недосыпающая мамаша?

Рита встала, потянулась. Беспокойство таилось, ожидая прояснения ситуации. Рита вышла на заднюю веранду, осмотрела двор. Велосипед стоял возле куста жасмина рядом с забором. Покинутый велосипед. Лины нигде не видно. Рита выдержала паузу, ничего не изменилось. Беспокойство шевельнулось, чтобы медленно-медленно расправить плечи, поднять голову, привстать. Подрасти.

Рита вернулась в дом, помедлила, снова вышла на веранду. Слишком тихо. Будь Лина поблизости, такой тишины бы не случилось. Девочки здесь нет.

– Так, так, стоп, стоп, – она закрыла глаза, подняла руку, как если бы отмахивалась от невидимого собеседника, утверждавшего что-то ошибочное.

Она потопталась на одном месте. На губах – виноватая улыбка, она покачала головой. Рита взяла мобильник, набрала номер. Ей ответил мужской голос. Она не дала ему договорить.

– Ты же забрал ее? Скажи, пожалуйста, ты приехал за ней, я спала, ты не стал меня будить и взял ее покататься?

Недолгая пауза.

– Что происходит? – он говорил негромко, голос полон напряжения.

– Лины нет. Все было закрыто, а я... легла подремать. Пять-десять минут, не больше.

И теперь...

Он едва не закричал:

– Что теперь? Говори же!

– Лины нигде нет.

– Что ты несешь? Выйди со двора. Она где-то рядом, а ты... панику развела.

– Хорошо, хорошо. Я выйду. Соседей спрошу. Не волнуйся. Извини, что отрываю.

– Рита?

Она решила, что он попросит перезвонить, но муж сказал:

– Я сейчас приеду.

Она не спорила. Она поспешила к соседям, и спустя четверть часа убедилась: никто ничего не знает, никто не видел Лину, никто не может ничем помочь. Подавленная, она повернула к дому.

Приехал муж. Эд попытался ее успокоить, но Риту понесло: смешались слезы, сопли, хныканье. Вдвоем они прошлись вокруг их участка, потревожили соседей. Никакого результата.

Когда Эд позвонил кому-то из родни, не в силах решить, нужно ли привлекать полицию, она прошла по двору и заметила маленькую игрушку – грузовичок. Игрушка находилась возле брошенного велосипеда, и Рита не могла понять, как не заметила ее раньше. Неужели была здесь с самого начала?

Ее затрясло. Игрушка была чужой. Вряд ли она попала сюда случайно. Мысль, что сюда приходил какой-то ребенок, чтобы забыть что-то свое, показалась несерьезной. Что же означает грузовичок, если означает что-то вообще? Рите не хотелось думать об этом, дрожь усиливалась, захватывая все тело до кончиков пальцев. Что-то ведь это значит? Или нет?

Эд подошел к ней и, вздохнув, сказал, что звонил в полицию. Она не выдержала и разрыдалась.

3

Мотоцикл несся по вечернему проспекту вдоль реки параллельно гидроциклу, рассекающему черные воды. В отличие от Человека-Гидроцикла, Роки рисковала разбиться каждую секунду.

Она лавировала в потоке машин.

Выскакивала на тротуар, вынуждая редких прохожих шарахаться.

Проскальзывала между двумя идущими бок о бок машинами.

Подрезала.

Несколько раз помогала себе ударом ноги в чью-нибудь дверцу.

Красный свет для нее не существовал, и преодоление перпендикулярного потока машин становилось самым опасным.

В первый раз Роки на скорости приподняла переднее колесо, проехала на заднем метров двадцать, и, когда столкновение казалось неминуемым, мотоцикл сходу взобрался на капот темного автомобиля, перелетел на следующий, параллельно идущий, скользнул на третий капот и оставил убийственный механический поток позади.

Управляющему гидроциклом ничего не мешало. Он гнал по максимуму, но разбиться практически не рисковал. Черная река была пустынна. Обрамление берегов цепочкой уличных фонарей бросало на воду расплывчатые, вздрагивающие пятна света.

Роки наблюдала за гидроциклом и снизила скорость, когда ей показалось, что тот повернул к дальнему берегу. В следующее мгновение гидроцикл взревел, снова оказавшись посередине реки, Роки понеслась дальше.

Впереди ее ожидал Т-образный перекресток со светофором, на этот раз ей повезло: зеленый свет. Роки обогнала Гидроцикла, снизила напор, но тот, за кем она наблюдала, не нуждался в передышке – он гнал и гнал дальше, благо измученная древним городом река не сопротивлялась и была податлива. Гидроцикл вспарывал ее поверхность, посылая в обе стороны волны, будоражившие грязь и пену берегов.

Очередной светофор. Красный свет. Роки перевела внимание на поток машин. Плотный, проскочить будет нелегко. Обождать? Нет! Гидроцикл уйдет! Мотоцикл взревел. Не отступать! Единственный шанс не упустить Гидроцикла в том, чтобы проскочить скопление!

Машины все ближе. Роки нахмурилась. Странное ощущение сродни *déjà vu* утверждало, что все это – проспект, полумрак, поток машин и рев собственного мотоцикла – уже было. Казалось, Роки увидела, как после неудачной попытки перескочить на ходу капот машины она слетает с мотоцикла и вонзается в микроавтобус в параллельном ряду. Ощущение было настолько сильным, что неосознанная реакция вынудила ее резко затормозить.

Она справилась с управлением, хотя ее занесло, визг шин мотоцикла заглушил все вокруг. Мотоцикл, склонившись почти до земли, замер в полуметре от машины первого ряда. Маневр Роки вызвал у водителей переполох, они стали тормозить. Несколько машин столкнулись. Поток парализовало.

Роки этим воспользовалась: провела мотоцикл между машин, дала по газам. Гидроцикл оставался в поле зрения, вряд ли обратив внимания на возникший посреди проспекта затор – в столице это случалось постоянно. Спустя минуту-другую Роки поравнялась с Гидроциклом, поглядывая на берега реки, и снова поддалась ощущению «вновь увиденного». Она чувствовала, что впереди, не доезжая ближайшего моста, Гидроцикл закончит свой заезд и пристанет к берегу.

Сможет ли она его опередить? Если на пути не возникнет еще одного красного светофора, шансы имеются. Роки увеличила скорость, чувствуя, как поток воздуха норовит сбросить ее. На периферии сознания всплыли – и тут же поблекли – вопросы по поводу Гидро-

цикла: почему она охотится за ним? Что он ей сделал? Не отвлекаться! Следовать цели, все вопросы – потом.

Гидроцикл остался позади, отрыв увеличивался. Роки гнала, замечая, что мотоцикл все чаще подскакивает, зависая в воздухе. Машины сливались в сплошной поток. Она рисковала не справиться с управлением, но скорость не снизила. И едва не пропустила поворот на мост.

Пересекая реку, волей-неволей она сбавила скорость. Она рискнула задержать взгляд на реке, увидела светлую точку на черной воде – Гидроцикл. Он правил к берегу. Проклятье! Доехать и затаиться в месте его высадки не получится. Он опередит ее, хотя далеко ему не уйти. Она возьмет его след – он даже не знает, что она за ним охотится.

Она выскочила на дорогу, ее занесло, она едва не врезалась в машину на встречной полосе. Визг шин. Удержать мотоцикл, помочь себе правой ногой, как бывало уже не раз. Она снова ударила по газам. Она приближалась к тому месту, где предположительно высадился Гидроцикл. Здесь дорога в отличие от проспекта на другом берегу была пустынная, и ей показалось, что кто-то – смутная фигура – впереди пересек дорогу. Когда Роки подъехала ближе, нигде никого не было.

Она остановилась, бросила мотоцикл, желая сэкономить хотя бы считанные секунды. Здание, мрачное и нежилое, напротив берега показалось ей знакомым. Она уже видела – в прошлой жизни? – этот дом и знала, что Гидроцикл укрылся именно там. Она подалась на другую сторону, но что-то вынудило ее вернуться к берегу и найти гидроцикл. Она не проверяла, что он там, она знала об этом и так, причина была иной. Если Гидроцикл ускользнет от нее, обнаружив погоню, наверняка воспользуется своей техникой. Этот путь к отступлению нужно перерезать. По реке она не сможет преследовать беглеца.

Роки спустилась к гидроциклу на плиты, искала что-нибудь подходящее, схватила крупный камень, который смогла поднять лишь двумя руками, нанесла с десятков ударов по гидроциклу. Удары пошли вразнобой, затем она сосредоточилась на баке для горючего. Почуввав запах бензина, она бросила камень, взобралась к дороге. Разглядывая окна мрачного дома, который выглядел слишком аккуратно для нежилого, Роки перебежала улицу.

Без колебаний она ворвалась в единственный подъезд, выхватив нож. В холле она замерла. Было темно, она не смогла бы увидеть противника, окажись он в считанных шагах от нее. Она прислушалась, втягивая носом воздух. Что-то подсказывало, что от Гидроцикла должна пахнуть чем-то специфическим, речной водой или бензином.

Ничего – ни звука, ни иных запахов, кроме тех, что соответствовали нежилому строению. Глаза привыкли к темноте, она различила лестницу, пошла вверх, стараясь, чтобы ноги ступали бесшумно.

До поры до времени это удавалось, но через пару этажей под ноги угодила какая-то склянка. Грохот, казалось, всколыхнул весь дом. Роки замерла. Чертова склянка покатилась вниз, не собираясь утихать. Она скатывалась по тем ступенькам, по которым Роки только что поднималась. Грохот слабел, но не затихал, пока, наконец, через целую вечность оборвался.

Тишина, возникшая после шума, заложила уши. Померещилось ли ей или она слышала тихий-тихий смех? Звонок мобильного показался громче выстрела. Роки едва не выронила нож, доставая телефон. Телефон у нее был, это удивления не вызвало. Она даже знала, что ей вот-вот позвонят, что это должно произойти. Почему Роки не отключила мобильник до того, как вошла в дом? Это была ошибка, и она могла дорого стоить.

Перед тем, как снять трубку, она глянула на экран, но абонент был незнакомый – просто цифры, никаких имен-фамилий. Она молчала, рассчитывая, что звонивший первым подаст голос. Она не хотела заговаривать первой, хотя Гидроциклу хватило катившейся склянки и звонка мобильного – он уже знает, что следом за ним кто-то вошел в дом.

Пауза затягивалась. Роки надо было отклонить вызов, отключить мобильник, но по неясной причине она этого не сделала. Она ждала, прислушиваясь к тишине на линии и в доме.

Пока не услышала тихий-тихий смех. Смех звучал и в доме, и на линии. Она невольно отстранилась от телефона, но смех по-прежнему различала. Кто-то был очень близко. Ближе, чем можно было предположить минуту назад.

– Роки?

Она вздрогнула. Приятный мужской голос, глубокий, с легкой хрипотцой. И жуткий одновременно. Опасный что ли. Голос того, за кем она гналась, кого преследовала на реке и с кем теперь оказалась в нежилом доме один на один.

– Что же ты молчишь, Роки? Невежливо – к тебе обращаются, – смешок.

Где он стоит?

– Не бойся – я не вооружен. Мне это не надо. Убить меня... – смешок. – По сути своей это забавно. Хотя знаешь, зачем я тебе нужен?

– Не важно – слова вырвались быстрее, чем она осмыслила ответ. – Не важно. Мне надо убить тебя, и я тебя убью!

Смех.

– Надо же... Твой напор, твоя уверенность, все это похвально, однако... Все это – пустые слова. Ты просто сделай то, что тебе надо, к чему все это разговоры?

– Покажись, мать твою...

– Прямо, как в Голливудских фильмах. Много насмотрелась? Твою мать, твою мать...

– Достаточно.

– На этот раз ты оказалась более прыткой. Мои амбалы не успели. Что ж... Признаться, это ничего не меняет – веселье только начинается.

Она нахмурилась, горло будто схватила невидимая рука. На этот раз? Что он несет? Она уже гонялась за ним? Где и когда? Или это его фишка – сбивающая с толку болтовня? Он что-то еще сказал, но смысл слов она не разобрала.

Ей показалось, что она уловила легкую тень, правее и впереди. Он как раз болтал, и, хотя она рисковала, лучшего момента – если только она не ошиблась с этой тенью – вряд ли дождется.

Роки бросилась вперед, полосуюя мрак ножом. Враг увернулся. Глухое восклицание дало понять, что и для него веселье закончилось. Она едва не зацепила его. Она сделала второй выпад, третий, на этот раз наугад, вынудила его отступить. Он побежал. Она услышала его шаги – он отступил по лестнице, теперь ему оставалось бежать только вверх. Окрыленная, Роки побежала следом.

Он был быстрее ее. Звук его шагов слабел. Плохо. Он мог затаиться где-нибудь, на очередной площадке, за дверью одного из многочисленных комнат-офисов, ближайших к площадке. Затаиться и ударить ее в спину. Но выбора у нее не было. Она постаралась выжать из себя еще больше, хотя чувствовала, что задыхается, понимала, что рискует оступиться и повредить ногу, после чего станет легкой добычей для Гидроцикла. Она прыгала через три ступеньки, пот щипал глаза.

Она резко остановилась, когда ей померещился смутный звук в одной из комнат, ближайшей к очередной площадке. Какой это этаж? Здание само по себе не ниже семнадцати этажей. Она подалась к дверному проему, вздрогнула, застыла.

Гидроцикл был здесь, и Роки не сразу поняла, что он делает. Странность его действий вынудила ее потерять несколько важных секунд, и она не успела.

Он вскочил на подоконник распахнутого окна, и лишь после этого Роки догадалась: он надел на себя ранец с парашютом. Она поняла это интуитивно – полумрак не позволил

рассмотреть детали, при этом Гидроцикл не был похож на того, кто готов покончить жизнь самоубийством в ситуации, когда его шансы предпочтительней, чем у девушки-подростка.

– Бай-бай, Роки. Так говорят в твоих фильмах? Верю, мы еще встретимся.

Она рванула к нему, хотя понимала, что не успеет. Он просто сделал шаг назад, продолжая улыбаться, и полетел вниз, спокойный, как если бы делал это каждый день своей жизни. Роки показалось, что он снова помахал ей рукой, прежде чем дернуть нужную штуку, которая выпустит парашют на свободу.

Роки выругалась, побежала назад к лестнице.

Он выглянул из-за дерева, помедлил, отступил, вжался в ствол. Его заметили? Непонятно. Десять минут назад оба ребенка играли во дворе, их мать за час лишь однажды выглянула из окна, теперь оба исчезли, и дом кажется пустынным. Затаились?

С чего бы это? Кто может знать о том, что он задумал? Разве что догадаться... Но он в это не верил. Он ни с кем не говорил на эту тему, даже жене высказался смутно и неопределенно. Он сам ничего не планировал еще день назад. Тогда в нем говорили эмоции. Он напоминал того, кто угрожает, но не сделает. И они не знают его в лицо. Тот ублюдок, глава семейства, с ним лично не встречался. И он слишком обеспокоен за свою шкуру, чтобы запомнить чье-то лицо. Ему даже на детей своих чихать, на жену, иначе озабочился бы тем, чтобы они не были сейчас такой легкой мишенью.

Где же сам ублюдок? Прячется? По делам отъехал? Воскресенье все-таки. Конечно, он знал, что выкрутится, что ничего ему за Нину не сделают, ничего, что он заслуживает, однако страх все равно был. Понимала сволочь, что за такое всякое бывает. У него лишь один шанс: Нина выйдет из комы, поправится, и все будет, как прежде. Только все знают, что это – идеальное развитие событий, такого просто-напросто не будет. Нина может не выйти из комы в ближайшее время, и последствия окажутся необратимы. Даже в лучшем случае того, что ублюдок совершил с девочкой, достаточно для смертного приговора. Он в этом не сомневается.

Как он не пришел к такому решению раньше? Все дело в скорби? Подавленность, такая мощная, что ему было не до мести. В первые дни для него существовала только Нина. Он еще надеялся, что завтра, когда он прибудет в больницу, кто-то из медперсонала скажет: девочка очнулась, она поправится. Время шло, ничего не менялась, и внутри зашевелился его глубинный разум, четко подталкивавший к тому, что надо сделать.

Иди и отомсти. Сделай хоть что-то, что в твоих силах. Неважно, что ты этого раньше не делал. Всегда что-то случается впервые. Хорошее, плохое и нечто крайне сложное, что вынуждает отодвинуть хотя бы на время понятия «хорошо» или «плохо». Для этого ублюдка можно найти какие-то оправдания, но даже серийных маньяков, после которых остаются десятки жертв, защищают здравомыслящие адвокаты, если дело доходит до процесса. Можно выбелить кого угодно, только, если совести нет, ее не отстирать.

Он снова выглянул из-за дерева. Никого. Нетерпение усилилось. Что если они что-то почувствовали и вот-вот уйдут через другую дверь? Женщина и дети ему не нужны, они – лишь страховка, на всякий случай. Но если сбегут они, куда подевается ублюдок? Переполюшится и спрячется.

Он вышел из-за дерева, пошел к задней двери. Хотелось бежать, броситься вперед, но он сдержался. Не спеши! Увидят его бегущим, им все станет ясно. Если же человек идет уверенно, не спеша, им придется хотя бы выяснить, кто он такой, с какой целью пришел. Он суматошно прикидывал, что делать, когда он окажется внутри, но ублюдка так и не обнаружит. Взять его семейство в заложники? Сколько он так продержится?

Звонок мобильного. Он чертыхнулся, отступил назад, к дереву. Глянул на экран. Так и есть – женушка. Какого черта ей надо? Она сидит возле Нины, но о каких-то мелочах можно попросить даже медперсонал. Ее поймут, ей пойдут навстречу.

– Где ты? – в голосе страх и... негодование.

Такой она не была, когда он уходил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.